

Гончарова Антонина Алексеевна,
Профессор, кандидат филологических наук

В мире эвенских сказок

Сказки всех народов земли истоками своими уходят в далекие времена, складывались они в особый вид народной прозы многие века.

О древности сказок свидетельствуют мифологические узлы, архаические мотивы, остатки обрядовых действий, тотемные культы.

Мир, созданный сказкой, условный, вымышленный, но в то же время коллективное народное сознание сумело направить этот вымысел на выявление особой сущностной стороны жизни. Разделяя точку зрения ученых на то, что основным в сказке является «установка на вымысел», мы считаем, что данная особенность сказки вовсе не противоречит тому, что в ее содержании в максимально обобщенном виде содержится нравственные заповеди народа.

Можно уточнить, что, оформляясь в особый вид, вырабатывая свою устойчивую поэтику (процесс чрезвычайно длительный), сказка, не отменяя функции развлечения, усиливала тенденцию разделения добра и зла, включала установку на победу добра, формировала нравственные идеалы.

Этическое и эстетическое в народном понимании нерасторжимо, и, чтобы понять, что же завещано нам сказкой, необходимо изучить ее поэтику, обращая пристальное внимание и на тот национальный колорит, который делает сказку особенно родной, близкой душе ребенка.

Ребенок воспринимает сказку как особую реальность, условный мир сказки не воспринимается им. И это очень важно учитывать при воспитании ребенка в детском саду, не следует разрушать, корректировать такое восприятие.

Другое дело, когда речь идет об изучении сказки в школе, которой, как известно, отведено место в 5 классе. Здесь уже требуется совместная работа учителя с учениками по постижению ее смысла.

Данная работа не представляет собой методические рекомендации для изучения сказки как особого вида народной прозы, представленной различными модификациями.

Здесь предпринята попытка осмысления художественного мира эвенской сказки, а также высказываются отдельные предложения по поводу ее изучения на уроках литературы, эвенского и русского языков.

Исследованием эвенского фольклора в разное время занимались такие ученые, как К. А. Новикова, У. Г. Попова, И. А. Захарова, Ж. К. Лебедева и др. У истоков его осмысления стояли В. Иохельсон и В. Тан-Богораз.

Одна из важных научных проблем — классификация фольклорного материала. К. А. Новикова указывает, что устное творчество эвенов (разных географических групп) имеет следующие фольклорные жанры: НИМКАР, (НИМКАН), куда входят сказки, а также старинные эпические повествования, близкие по содержанию к русским былинам; ТЭЛЭНТЭЛ, включающие бытовые рассказы, легенды и предания исторического характера (старинные рассказы); ИКЭЛ — песни — импровизации; НГЭНУКЭР — загадки (4. С. 141).

«Миф с включением ритуальных обрядов также именуется «нимкан», — утверждает Лебедева Ж. К. в работе «Архаический эпос эвенов» (3. С. 14).

Сказка в фольклоре народов Севера представлена разными видами и жанровыми разновидностями, которые трудно классифицировать. Богат и разнообразен сказочный репертуар эвенов, который, с одной стороны, обнаруживает характерологические особенности этноса, а с другой, способность к творческому заимствованию у своих соседей (якутов, чукчей, коряков, русских и др.)

Кроме этого, в сказочном фольклоре эвенов имеются следы общности с другими народами, и не только Севера, в частности, встречаются отдельные мотивы (запрета — нарушения запрета), бинарные оппозиции верха/низа, старших/младших, что характерно для ранних форм фольклора и мифологии многих народов.

В пользу разнообразия сказочного материала эвенов говорит и наличие вариантов. Достаточно обратить внимание на сказки про Уиньдю, Ойе, которые записаны в Магаданской области и на Камчатке.

Все сказки народов мира привычно делят на сказки о животных, волшебные и бытовые, хотя ученые понимают условность этого деления. Когда же речь идет о народах бесписьменной культуры, то здесь следует проявлять особую научную осторожность.

Что касается животного эпоса, то его всегда легче выявить в народной прозе.

В фольклористике устойчиво мнение, что это самый древний пласт сказок, вероятно, длительный путь формирования и дал возможность отлиться в самостоятельную жанровую форму даже у тех народов, у которых нет такой оформленности других жанровых разновидностей.

Эвенский фольклор представлен интересными сюжетами сказок о животных, в которых остались и следы древнейших верований, но в то же время и точные этнографические детали.

Национальное проявилось уже на уровне выбора персонажей сказок о животных, в которых из птиц встречаются чаще других кедровка, куропатка, орел (орлица), а из животных — медведь, россомаха, лиса, соболь.

Не без основания утверждают, что в количественном плане они уступают другим видам сказок, бытовое же восприятие иное: кажется, что их очень много. Вероятно, причина кроется в том, что они легко

запоминаются, так как короткие, часто содержат юмор, бытуют во многих вариантах.

Именно этот вид сказок перешел в детскую аудиторию, чему есть причины: механизм узнавания мира родственен тому, который представляет мир сказки изнутри.

Можно согласиться с утверждением что «...та форма, которую в эвенском фольклоре мы называем волшебной сказкой, по существу морфологически не созрела до уровня классической волшебной сказки... Структура волшебной сказки только намечена» (3, с. 33).

То, что именуется волшебными сказками, по сути, еще не отделилось от мифологии и, по этой причине, представляет большой интерес для науки. Одна из причин кроется в бытовом укладе эвенов, в образе их жизни (кочевая и полукочевая).

Архаические волшебные сказки представлены такими сюжетами, как «Уинья жил...», «Кедровка», «Курлэни», «Дэбрикэн — Кобрикан», «Чолэрэ» и др.. В подобного рода сказках миф питает всю содержательную структуру сказки, мифологическое проявляется и на уровне сюжета и в этнографических приметах.

Заметим, что в архаическом сознании нет деления на вымышленное и реальное, и сказочник, рассказывая сказку даже в XX веке (чему мы были свидетели), поддается этой иллюзии реальности и искренне верит в то, о чем в ней повествуется.

Исследователи сказочного фольклора народов Севера указывают, что долгое время «...у всех народностей Севера можно было встретить табу (запрет) на рассказывание сказок при определенных условиях» (2. С. 9). Условия эти касались определенного времени суток, состава слушателей. Данный факт свидетельствует о вере в магическую силу слова и указывает на явную связь обрядового и необрядового фольклора. Все это нужно учитывать при обращении к конкретным сказочным сюжетам.

На уроках литературы в 5 классе изучается русская сказка. Но сейчас есть все возможности у учителя, чтобы не обойти вниманием фольклор своего народа, тем более, если учитель сам является носителем языка, как это имеет место сегодня. Желательно, чтобы эвенская сказка, о которой мы ведем речь, прозвучала не только на русском языке, но и на эвенском, хотя бы фрагментарно.

Фонетические и интонационные особенности языка, на котором звучит сказка, вызовут эмоциональный отклик даже у тех учащихся, кто не владеет эвенским языком. Дети же, знающие этот язык, будут себя чувствовать особенно комфортно и постараются поддержать учителя в его творческих поисках.

Программа по литературе рекомендует для изучения русские сказки о животных, волшебные и бытовые.

Как мы указывали выше, эвенский сказочный эпос знает эти модификации, хотя представляет их в своей этнической форме.

Основной методический прием, который уместен при изучении сказки (русской и эвенской) — сопоставление и сравнение, которое ляжет в основу выявления специфики каждой из национальных сказок. Оценка

со знаком — лучше — хуже, интересно — неинтересно может прозвучать из детских уст, однако задача учителя — тактично и, в то же время, профессионально указать на неуместность подобного подхода. И здесь опорой может быть знание этнографических особенностей народов, их жизненного уклада, психического склада, а также теории сказки.

Яркими, творческими можно сделать уроки по изучению сказки о животных.

В русских и эвенских сказках немало сюжетов, в которых встречается медведь, часто в союзе с другими животными и с человеком.

У восточных славян (куда входят русские) медведь был тотемным животным, как и у эвенов. Следы особого поклонения медведю в сказках этих народов утрачены, хотя в русском сказочном эпосе есть отголоски медвежьего культа в сказке «Медведь» («Медведь на липовой ноге»). В эвенских сказках «Медведь и бурундук», «Медведь, росомаха и волк» — отголоски особого почтения к медведю. Его зовут, чтобы рассудить зверей, он изображен способным к «переустройству» животного мира: так, медведь «погладил лапой — черные полосы на спине бурундука появились» (2, с. 260).

В русских и эвенских сказках (особенно часто в эвенских) медведя называют «дедушка», возможно, это тоже отголоски культа медведя, запрещающего называть его настоящим именем.

О медвежьем культе у эвенов имеются интересные исследования У. Г. Поповой (5, с. 174—180).

На уроке рекомендуем прочитать эвенскую сказку «Мудрый» («Омин»), запись которой сделана К. С. Черкановым, известным человеком не только в Быстринском районе, но и на всей Камчатке. Среди сказок о животных в мировом репертуаре есть немало сюжетов о споре зверей.

Медведь редко бывает победителем в споре, здесь же он изображен именно «мудрым», что тоже может свидетельствовать в пользу остатков культа.

В большинстве же сказок, где среди героев встречается медведь, много смеха, так как он попадает в нелепые ситуации, его всегда одурачивает лиса. Смеховое не означает окончательного забвения тотемного культа. Природа смехового многогранна. «В древнем сознании серьезный и смеховой аспекты божества мира и человека были, по-видимому, одинаково священными» — считает М. Бахтин (1, с. 24).

Сравнительный анализ сюжетов, русских и эвенских сказок, в которых встречается медведь, даст интересный материал для размышления на уроке. Интересно заметить, что именно в этих сказках в повествование включаются песенки, диалоги, что делает сказку зрелищной и погружает слушателя в этот мир.

Сказки о животных не менее фантастичны, чем другие виды сказок, это не рассказы из жизни животных, но в то же время сомнительна и такая точка зрения, что, «будто под видом животных изображены люди, что эти сказки имеют аллегорический смысл, то есть, что они, в сущности, представляют собой басни. Басня и сказка — совершенно различные по существу жанры» (6, с. 303).

С лисой в сказку всегда входит обман, порой особенно изощренный, в таких сюжетах много смеха разного качества: от злорадной насмешки до мягкого юмора.

В русском репертуаре особенно популярны «Лисичка-сестричка и волк», «Лиса, Заяц и Петух», «Звери в яме», «Лиса-повитуха», «Лиса-исповедница», «Кот, Петух и Лиса». Все они входили уже в издание сказок А. Н. Афанасьева, которое появилось в России в середине XIX века.

Эвенские сказки имеют сходные сюжеты с русскими, но в эвенском фольклоре есть очень оригинальные сюжеты (с вариантами). В основе одного из них — лиса пасет оленей, есть и контаминированный (состоящий из нескольких) сюжет «про Лису». В нем собрана целая серия «обманов» лисы: обман волка, медведя, нерпы, старика, лося. Но именно в финале этой сказки лиса наказана.

Два сюжетных звена часто «кочуют» в эвенских сказках: лиса пасет оленей (есть и самостоятельная «Лиса-пастушка»), лиса обманывает нерп (иногда и других зверей) и добирается на их спинах до берега. «Формула обмана» одна и та же: она обещает пересчитать «нерпичий» (или другой) «народ».

Проблема хитрости, обмана — одна из ключевых в фольклоре. На ней мы не будем останавливаться долго. Но применительно к сказке о животных фольклористы считают, что, возможно, «сказка о животных создавалась тогда, когда обман не только не был предосудительным, но представлял собой одну из форм борьбы за существование» (6, с. 45).

В эвенских сказках, записанных в 20—30 годы XX века и позже, лиса часто наказана, следовательно, здесь уже другие критерии, а именно, нравственного характера. Многие сказки перешли в детский репертуар, приобрели поучительное и аллегорическое значение, что характерно и для сказок других народов.

Особую группу сказок составляют так называемые **кумулятивные сказки**, которые имеются у многих народов мира. Известны сюжеты подобных эвенских сказок: «Нерпа», «Две кедровки», «Две птички», «Куропатка — крикунья». Отметим, что они представляют в свою очередь разные подтипы.

Указанные выше кумулятивные сказки имеют одинаковую композицию (это свойственно и русской сказке подобного характера). Они состоят из экспозиции, собственно кумуляции и финала (своеобразной развязки). Несмотря на общность композиции, сказки «Нерпа», «Две птички», «Две кедровки», «Куропатка — крикунья» они разные по своей форме.

Первые три сказки отличаются друг от друга прежде всего способом соединения цепочки, принципом наращивания формул, предложений (о чем речь дальше).

В сюжет сказки «Куропатка — крикунья» кумуляция включается как ее часть, наряду с другими. Это больше сказка о животных, построенная на мотиве встречи.

Однако экспозиция сказки также напоминает сказку кумулятивную. Как правило, в экспозиции таких сказок указывается на события

будничные, а иногда, это будничное, обычное воспринимается неадекватно, как в данной сказке.

«Куропатка — крикунья» сидела на ветке дерева в лесу. Вдруг ей на голову что-то упало.

«О! Небо наше валится, — закричала куропатка — крикунья. — Пойду доложу хозяину — орлу, что небо падает» (4, с. 25).

Возникает комическая ситуация, которая вызвана неадекватностью реакции на случившееся. Далее включается цепочка присоединения: встречи с другими птицами. Такие сказки известны у славянских народов и у народов Севера.

Нарастанию цепочки — встречам соответствует нагромождение слов, предложений. Как, например, в русской сказке «Терем мухи», животным в придачу даются дополнительные характеристики (мышка-норушка, лягушка-квакушка и др.) так и в данной — куропатка-крикунья, глухарь-длинношей, утка-толстуха, рябчик — серяк, лисичка-обманщица. Кроме этого, с каждой новой встречей повторяется цель путешествия, это также создает «нагромождение» особого характера, которое не затрудняет восприятия сказки детьми, так как они очень чутки к звучному слову.

Встреча с лисой обусловила поворот в сказке: цепочка встреч прерывается, так как появление лисы в сюжете — всегда вводит в сказку «обман». И эта сказка не исключение.

Сказка «Две кедровки» — типичная кумулятивная сказка. Она интересна в плане цепочной связи, которая идет вслед за экспозицией. В экспозиции же сообщается: «Жили-были две кедровки. Пошли они собирать орехи... бросила кедровка шишку. Попала эта шишка ее подруге в глаз и выбила его» (7. С. 45).

Цепочка вопросов и ответов — основная часть сказки, собственно кумуляция. Оригинальность и необычность связи между вопросами и ответами и является изюминкой сказки. Здесь нет логической связи, потому что сказка как древний жанр не нуждается в этом. В сказке царствует вымысел, вольная фантазия, однако и через нее можно получить представление об особом отношении древнего сознания к действительности, об иных мыслительных категориях.

В восприятии современного человека она выглядит алогичной, что всегда вызывает смех.

«Две птички» — сказка, где кумуляция создается посредством диалога. Здесь диалог между птичками-сестрами. Сама цепочка состоит из трех частей. Первая часть — диалог сестер, в котором старшая уговаривает младшую сходить за водой и получает отказ. Своеобразная мотивация отказа и составляет его содержание. Вторая часть цепочного диалога особенно интересна национальным колоритом. Все ответы младшей сестры неожиданны, но в одном ключе. Чтобы оценить в полной мере содержащийся в них вымысел и абсурд, необходимо иметь представление о быте эзенов.

Диалог интересен и тем, что старшая сестра-птичка задает вопросы вполне реального характера, основываясь на знании быта, а в ответах младшей все перевернуто.

Каким ножом пользуешься?
Собачьим ребром...
Чем моешь кожу?
Собачьей челюстью...
На чем верхом едешь?
На собачьем хвосте.
Чем увязываешь веточки?
Собачьими клыками.
Что у тебя вместо двойной сумы?
Собачьи почки...
Чем пользуешься как котлом?
Собачьей головой.

Ответы младшей сестры рисуют мир «наоборот» (заметим, что собака особенно почиталась в быту эвенов).

Сказка «Нерпа» представляет собой другой тип кумулятивной сказки. — именно так построена и эта сказка, цепь «расплетается» в обратном порядке наступает развязка: гарпун убил нерпу.

Наличие кумулятивных сказок в составе этнического фольклора эвенов свидетельствует о его жанровом разнообразии и о реликтах древнего сознания. В детской же аудитории они воспринимаются как некая игра, вызывают смех, но в то же время они видят сказочный мир, так как детское сознание, по мнению ученых, сродни архаическому и мифологическому взгляду на мир.

Можно указать и на интересный пласт бытовых эвенских сказок, среди них особенно популярны сюжеты, в которых героями являются глупцы и находчивые.

Погружение детей в мир эвенских сказок, сравнение их сюжетов и мотивов со сказками других народов дает основание для убеждения в том, что все люди стремились и стремятся к одному — к утверждению Добра и Справедливости на земле.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М. М. Франсуа Рабле и народная смеховая культура Средневековья и Ренессанса. — М., 1964.

Воскобойников М., Меновщиков Г. Предисловие // Сказки народов Севера. — М., 1958.

Лебедева Ж. К. Архаический эпос эвенов. — Новосибирск, 1981.

Новикова К. А. Эвенские сказки, предания и легенды. — Магадан, 1987.

Попова У. Г. О пережитках культа медведя (уркачак) среди эвенов Магаданской области. // История и культура народов Севера и Дальнего Востока. — М., 1967.

Пропп В. Я. Русская сказка. — М., 1984.

Сказки народов Севера. — М., — Л., 1958.